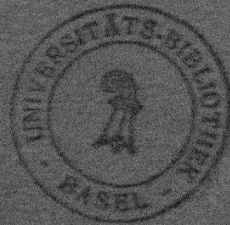

24 = 152
Dopisovani
fdd

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

1905 1/2

1

ЯНВАРЬ

Безъ плана.

(Нѣсколько словъ о задачахъ журнала. — Жизнь и ея истинный объемъ и запросы. — Историческія задачи нашего времени. — Основной вопросъ современной русской жизни: *delenda est Carthago*).

I. „Вопросы Жизни“ и вопросы жизни.

Нашъ журналъ теперь носить новое названіе „Вопросы Жизни“. Если понять это названіе въ смыслъ обозначенія задачъ журнала, то нельзя не признать, что оно многое говоритъ и ко многому обязываетъ. Оно указываетъ журналу высшую и даже въ сущности единственную задачу, которая должна быть свойственна литературѣ, составляетъ общественное служеніе журнала, — отзываться на *вопросы жизни*, уловлять ея пульсъ, болѣть ея скорбями, волноваться радостями, вдохновляться надеждами и отчаиваться ея отчаяніемъ. Какъ суббота для человѣка, но не человѣкъ для субботы, такъ и литература для жизни, а не жизнь для литературы.

Никто не станетъ отрицать эту мысль въ такой общей формѣ. Однако, какъ только мы начнемъ наполнять эту отвлеченную и пустую формулу какимъ-либо содержаніемъ, опредѣлять ее ближе и точнѣе, уже начинаются разногласія. Эластичная формула оказывается способна вмѣстить довольно различное содержаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, что же такое „жизнь“, которую должна отражать и которой должна служить литература, и въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это служеніе? Жизнь въ своей непосредственной данности, какъ самое общее и элементарное, непосредственно намъ доступное ощущеніе бытія, неопредѣлимо и неразложимо — ни біологически, ни психологически, ни ~~даже~~ логически. Въ этомъ значеніи

понятіе это можно весьма сблизить, если даже не отождествить съ тѣмъ понятіемъ „сознанія“, съ которымъ теперь оперируетъ. надвась изъ него добыть всю философію, такъ называемая „имманентная“ школа въ гносеологій. Въ этомъ свѣзѣмъ опредѣленіи понятіе жизни въ последнее время стало предметомъ настоящаго идиологовкловства, оно употребляется „эмпириокритицистами“ также усердно и часто, какъ влюбленный повторяетъ названіе предмета своего обожанія. Но несмотря на эти пламенные чувства, какъ понятіе формальное, оно характеризуется полнѣйшей пустотой и безсодержательностью.

Жизнь на этой стадіи ея опредѣленія есть пустая форма, которая можетъ и должна быть наполнена тѣмъ или другимъ содержаниемъ, лишь потенція, которая можетъ перейти въ ту или иную актуальность. Это „абсолютная величина“ въ алгебрѣ, которая сама по себѣ не имѣетъ еще ни коэффиціента, ни знака,—плюса или минуса. Жизнь въ этомъ смыслѣ одинаково можетъ быть отдана біологическому прозябанію и оргіастическому культу или же посвящена высшему идеалу, просвѣтлена изнутри. Ея нормой можетъ быть фаллическій культъ, Вакхъ или Діонисъ, или же Тотъ, Кто сказалъ о Себѣ: „Я—Путь, Истина и Жизнь“. Такія полярности заключаются въ аморфномъ понятіи „жизнь“.

Поэтому, когда говорятъ о служеніи „жизни“, то разумѣютъ не эту пустую потенцію, а жизнь опредѣленнаго содержанія, уже посвященную тому или другому богу. Нельзя говорить о „расширеніи“ (или суженіи?) „жизни“ въ смыслѣ біологическаго состоянія, изъ нуля можно вычитать сколько угодно, и онъ все-таки останется тѣмъ же нулемъ. Поэтому, если говорится о жизни вообще, то, конечно, говорится о *достойной жизни*, сообразной нѣкоторому заранѣе принятому идеалу или нормѣ достойнаго человѣческаго существованія. „Жизнь“ понимается при этомъ уже не въ смыслѣ біологическаго или фактическаго существованія, но въ смыслѣ нормативномъ, съ нѣкоторой квалификаціей ея содержанія, опредѣляющей плюсомъ или минусомъ каждое ея проявленіе. Жизнь, какъ идеальная задача, какъ нравственная норма, какъ мѣра вещей, — таково содержаніе, которое вкладывается въ это понятіе. Вотъ въ какомъ смыслѣ только и могутъ ставиться и разрѣшаться „вопросы жизни“.

Итакъ, всякому сужденію о жизни логически предшествуетъ извѣстное представленіе о *должномъ*, о человѣческомъ достоинствѣ, объ идеальныхъ задачахъ человѣка и человечества, или, по выра-

женію Фихте, „о призваніи человѣка“. Безъ этихъ нормъ, безъ предварительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ невозможно никакое сужденіе о жизни и дѣятельное отношеніе къ ней.

Вопросы эти заслуживаютъ того вниманія, которое соотвѣтствуетъ ихъ важности, ихъ первостепенному значенію. Ихъ рѣшеніе не должно быть взято на прокатъ, или съ вѣтра, неизвѣстно откуда, но должно явиться плодомъ сознательной, испытующей мысли. Загадка о человѣкѣ, коренной вопросъ философскаго и религіознаго сознанія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и коренной, первый по важности и „вопросъ жизни“, и только недомысліе могло счесть его отъ жизни отвлекающимъ, для жизни ненужнымъ, даже взять подъ подозрѣніе съ точки зрѣнія общественно-политической.

Тотъ, кто имѣетъ хотя небольшой опытъ въ этихъ дѣлахъ, хорошо знаетъ, что загадка о человѣкѣ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя можно было бы, разрѣшивъ, навсегда отложить въ сторону. Напротивъ, она будетъ постоянно ставиться и разрѣшаться до тѣхъ поръ, пока живетъ и мыслить человѣчество, пока не оскудѣло философское творчество и не изсякла окончательно религіозная мысль. Загадка о человѣкѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ проклятыхъ вопросовъ, отъ которыхъ не имѣетъ права отдѣлываться человѣчество, не роняя своего достоинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ она разрастается и до міровыхъ вопросовъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Человѣкъ не можетъ разрѣшить загадку о себѣ, не поставивъ и не разрѣшивъ загадки о мірѣ и своемъ мѣстѣ въ немъ. Лишь установивъ норму жизни, мы обращаемся къ ея содержанію, къ различнымъ вопросамъ жизни. Количество послѣднихъ, реальное содержаніе жизни, конечно, безгранично. Слѣдуетъ только подходить къ ней съ открытыми глазами, не закрывая ихъ въ угоду предразсудкамъ и стараясь избѣгать какихъ-либо односторонностей. Такими односторонностями, наиболее распространенными въ наше время, а потому и наиболее опасными, представляется намъ отвлеченный спиритуализмъ или же столь же отвлеченный матеріализмъ.

Одни, исходя изъ справедливой оцѣнки всей настоятельности вопросовъ экономическаго, вообще матеріальнаго существованія человѣка, но впадая при этомъ въ теоретическія заблужденія относительно ихъ значенія въ совокупной жизни человѣчества, впадаютъ въ односторонній матеріализмъ, небреженіе запросовъ духа, приходя къ формулѣ: *Der Mensch ist was er isst*. Другіе же впадаютъ

въ столь же ложный спиритуализмъ и съ непростительнымъ равнодушіемъ относятся къ условіямъ матеріальнаго существованія чело-
вѣка.

Надлежитъ одинаково держать въ памяти какъ ту истину, что не однимъ хлѣбомъ живетъ чело-
вѣкъ, такъ и ту, что онъ не можетъ жить безъ хлѣба. И если справедливо, что нѣтъ силъ, способ-
ныхъ сковать свободный чело-
вѣческій духъ, то одинаково справедливо и то, что цѣпи политическаго и экономическаго рабства ду-
шатъ мысль и вызываютъ духовный параличъ. Съ этой точки зрѣ-
нія, не впадая въ сознательную односторонность, журналъ нашъ не
можетъ исключать изъ сферы своего вниманія ни матеріальной, ни
духовной жизни чело-
вѣчества и, слѣдовательно, долженъ отзываться
какъ на вопросы жизни экономической, политической и социальной,
такъ и духовной, эстетической, культурной.

Эти общія требованія должны быть конкретизированы, приурочены
къ настоящему моменту русской исторіи, который одѣваетъ ихъ въ
плоть и кровь, ставитъ вполне опредѣленные задачи для историче-
скаго творчества, выдвигаетъ вполне опредѣленные вопросы жизни.
То или иное пониманіе историческихъ задачъ момента необходимо
опредѣляетъ и ближайшую программу журнала, и то, что можно на-
звать его тактикой. Для полной ясности въ этомъ отношеніи мы по-
пытаемся формулировать здѣсь, конечно, съ неизбежной краткостью,
въ самыхъ общихъ и предварительныхъ чертахъ, въ чемъ состоятъ,
по нашему мнѣнію, историческія задачи теперешняго момента, каковъ
тотъ путь развитія, котораго мы желали бы для своего отечества,
какіе вопросы жизни, матеріальной и духовной, выдвигаются на пер-
вый планъ въ настоящую минуту.

Естественно, что общее вниманіе теперь привлекаютъ задачи эко-
номическаго и политическаго возрожденія Россіи послѣ того безпри-
мѣрнаго упадка и разстройства, въ которое пришла она въ новѣй-
шее смутное время войны внѣшней—съ японцами и внутренней—
съ бюрократіей. Малый ребенокъ понимаетъ въ настоящее время, въ
какомъ ужасномъ состояніи находится страна. Нужны героическія
средства для ея оздоровленія и, если они не будутъ даны, то бу-
дутъ взяты—выбора нѣтъ. Въ вопросахъ, касающихся политиче-
ской и экономической жизни, во всей и идейной журналистикѣ
и ежедневной прессѣ, въ различныхъ слояхъ общества, словомъ у
всей честной и мыслящей Россіи господствуетъ полное единогласіе и

иначе быть не может. Можно различаться въ подробностях программъ, идти ближе или дальше, быть умѣреннѣе или радикальнѣе, возможна и въ дѣйствительности существуетъ цѣлая гамма партійныхъ оттѣнковъ. Но все эти фракціи или партіи сходятся въ настоящее время въ одномъ: такъ жить нельзя. Всемъ равно ненавистна бюрократія, одинаково опостылѣлъ будочникъ.

Конечно, это временное единогласіе не должно закрывать различія дальнѣйшихъ программъ, хотя это послѣднее никоимъ образомъ не должно препятствовать согласному дѣйствію для достиженія общей цѣли. Однако *временный союзъ не значитъ отказъ отъ своей программы*. Мы развивали уже свою программу съ отчетливостью, возможной для подцензурнаго журнала *), въ статьяхъ „Идеализмъ и общественныя программы“ (*Новый Путь*, октябрь—декабрь), къ которымъ и отсылаемъ читателя. *Въ области политической мы отстаиваемъ программу радикально-демократическую, въ области же соціальной политики—соціалистическую*, хотя и не въ доктринальномъ, а болѣе широкомъ смыслѣ этого слова, допускающемъ и самостоятельную постановку крестьянскаго вопроса. По своимъ теоретическимъ основаніямъ утверждаясь на предположкахъ „идеализма“, въ практической разработкѣ наша программа стремится къ вполне реалистической точкѣ зрѣнія, опредѣляясь какъ идеаль-реалистическая. Эту свою общественную программу журналъ и будетъ развивать по поводу текущихъ вопросовъ политической и экономической жизни, какъ въ постоянныхъ отдѣлахъ, такъ и въ спеціальныхъ статьяхъ.

Политическимъ и экономическимъ оздоровленіемъ страны не исчерпываются однако, по нашему мнѣнію, историческія задачи нашей эпохи. Въ связи съ ними, но, до извѣстной степени, и самостоятельно ставится великая задача духовнаго оздоровленія нашего отечества, культурнаго ренессанса. Будемъ откровенны. Господство новѣйшей татарщины, бюрократическій произволъ и вся совокупность политическихъ условій развитія нашей родины не могли не привести къ тому, что мы идемъ, особенно за послѣднее время, къ культурному

*) О томъ, какъ затруднительна такая отчетливость, пусть покажетъ слѣдующій примѣръ. Въ настоящее время даже въ правительственныхъ сферахъ обсуждается вопросъ о свободѣ стачекъ, а въ ноябрѣ прошлаго года пунктъ нашей программы, касающійся права стачекъ, былъ исключенъ цензурой.

огрубѣнію. въ лучшемъ случаѣ мы стоимъ на мѣстѣ, а застои равносильнѣ регрессу. Нельзя никого винить за это, русскому обществу приходится бороться за элементарныя условія достойнаго существованія, но не слѣдуетъ закрывать глаза на этотъ фактъ, ибо признаніе его есть первое условіе прогресса. Незамѣтно для себя русское общество приспособляло свою психологію къ борьбѣ съ будничномъ и ее соотвѣтственно упрощало. Какъ ни неизбежно было это, въ особенности при отсутствіи свободы слова и невозможности поэтому договориться до конца и какъ слѣдуетъ понять другъ друга, но нельзя отрицать, что политическіе и даже полицейскіе критеріи стали у насъ господствовать и распространяться туда, гдѣ имъ было уже совсѣмъ не мѣсто. Такимъ путемъ создалась затхлая, застоившаяся атмосфера и въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ, утеряна была внутренняя свобода, установилась какая-то паспортная система мысли, конечно, въ значительной мѣрѣ парализующая ея движеніе. Такое направленіе въ русской жизни и литературѣ, какъ ни понятно оно въ своихъ причинахъ, нельзя не признать въ высшей степени антикультурнымъ. Гонимые незамѣтно для себя иногда усваиваютъ нѣкоторыя черты психологіи своихъ враговъ. Вышнее, политическое порабощеніе привело къ уtratѣ не только внѣшней, но и внутренней свободы, и этимъ прежде всего слѣдуетъ объяснить тѣ чудовищныя по ожесточенности и нерѣдко безобразныя по содержанію фракціонныя распри, которыя раздираютъ нашу боевую интеллигенцію, а нерѣдко отражаются и въ литературѣ. Слѣдуетъ пожелать русскому обществу поскорѣе сбросить съ себя этотъ зракъ раба, какъ его недостойный.

Больше всего отъ общественно полицейскаго надзора доставалось философіи. Случалось такъ, что свидѣтельство полицейской благонадежности получили самыя элементарныя и предъ лицомъ философскаго мышленія давно уже несостоятельныя теоріи матеріализма и наивнаго позитивизма. Все остальное было объявлено реакціоннымъ (нужно ли напоминать недавніе примѣры „критики“ *Проблемъ идеализма* и т. п.) и лишено права на легальное существованіе. На философію объявлено было гоненіе, и это несмотря на то, что русская интеллигенція, по своему духовному складу, наиболѣе сродна философскимъ исканіямъ и постоянно мучится „проклятыми вопросами“. Эти духовныя потребности оказались временно обезсиленными подъ давленіемъ критеріевъ утилитарно-полицейскаго характера. Можно было бы признать относи-

тельную справедливость гоненія на философію еще въ такомъ случаѣ, были, если бы вопросы общаго міровоззрѣнія совсѣмъ не трактовались на страницахъ нашей журналистики и вообще литературы, окончательно оттуда были изгнаны. На самомъ же дѣлѣ, они не сходили со страницъ журналовъ, запретными оставались только тѣ точки зрѣнія, которыя противорѣчили патентованнымъ.

Такому положенію дѣла пора положить конецъ. Въ предвареніе нашего гражданскаго освобожденія и на ряду съ его осуществленіемъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на наше духовное освобожденіе. А для этого, прежде всего, слѣдуетъ разъ навсегда отказаться отъ недостойной подозрительности, заглядыванія за пазуху, какого-то духовнаго обыска, которому подвергался всякій, инако мыслящій. Можно добиваться единогласія практическихъ программъ, но слѣдуетъ предоставить всякому nach seiner Façon selig werden, слѣдуетъ признать свободу мысли, слова и совѣсти, которыхъ мы все теперь добиваемся, и при томъ не только признать въ законѣ, но и осуществить во взаимныхъ отношеніяхъ.

Отстаивая въ политическомъ и социальномъ отношеніи строгую принципиальность и предъявляя опредѣленную общественную программу, мы принципиально отстаиваемъ полную духовную свободу и независимость; философскія, эстетическія, религіозныя и т. д. мнѣнія не должны подвергаться тому унижительному, полицейскому и узко-угилитарному штемцелеванію, о которомъ мы говорили. Нужно же, наконецъ, признать, что культурныя блага самоцѣльны и вовсе не нуждаются въ санкціи откуда-то извнѣ.

Руководствуясь высказанными принципами, мы будемъ отводить мѣсто вопросамъ духовной жизни, исканіямъ философскимъ, этическимъ и эстетическимъ, сообразуясь лишь съ внутренней ихъ оцѣнкой, а не съ распространенными предрасудками. Журналъ нашъ не будетъ посвященъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время пропагандѣ какой-нибудь одной опредѣленной философской или эстетической доктрины. — для журнала съ такой специализированной задачей пока нѣтъ еще почвы, — въ немъ найдутъ выраженіе различныя современныя исканія въ этой области. Конечно, это не означаетъ принципиальнаго безразличія. Не будемъ скрывать, что философія и идеалистическая философія представляютъ для насъ синонимы; мы считаемъ это даже не личнымъ мнѣніемъ, а существомъ самого дѣла. Достигнувъ известной зрѣлости, философская мысль не можетъ быть иной, какъ

идеалистической. Но и это есть еще очень широкая скобка, в которой найдется не мало различных оттенков.

Къ такой же свободѣ отъ предразсудковъ, обусловленныхъ соображеніями нелитературнаго характера, мы будемъ стремиться и въ вопросахъ искусства. Мы считаемъ, что искусство имѣетъ свои собственные пути, и всякое искусство, правдиво и искренно ищущее, хотя бы еще смутно и инстинктивно, имѣетъ право на существованіе, не должно быть гонимо. Мы очень уважаемъ такъ называемую гражданскую поэзію и преклоняемся передъ памятью Некрасова, ея великаго представителя; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что слѣдуетъ противодействовать стремленію ограничить область искусства одной гражданственностью, сдѣлать его исключительно служебнымъ средствомъ для постороннихъ, хотя и весьма высокихъ цѣлей. Искусство должно быть прежде всего искренно и правдиво, но искусство, сознательно сузившее себя до одного мотива, не можетъ быть вполне искренно, и ставшая тенденціознымъ, тѣмъ самымъ перестаетъ быть искусствомъ. Но, конечно, въ равной или даже большей степени, должна быть избѣгаема и противоположная крайность, когда поэтъ считаетъ гражданскіе мотивы для себя заранѣе исключенными, недостойными своей музыки, относясь къ нимъ съ невольной и предосудительной враждой. Нужно однако сказать, что первая крайность у насъ гораздо болѣе распространена, чѣмъ вторая. Мы относимся, далѣе, съ безграничнымъ уваженіемъ къ реалистическому искусству, гениальные образцы котораго даетъ намъ русская литература, въ лицѣ Толстого и Достоевскаго, однако это никакъ образомъ не должно служить причиной къ отрицанію правъ художественнаго символизма, который становится все болѣе распространенъ въ наши дни. Можно мириться съ умѣреннымъ натурализмомъ, къ которому въ сущности въ большинствѣ принадлежитъ поколѣніе молодыхъ беллетристовъ, группирующихся около „Знанія“. Но нѣтъ также никакихъ основаній осульво отрицать все то новѣйшее движеніе въ искусствѣ, которое не особенно удачно обрестило себя декадентствомъ. Оно не можетъ считаться вырождавшимся и окончательно опредѣлившимся, въ немъ еще много смутнаго и не вполне осознаннаго, но зато нельзя отрицать въ немъ ищущаго безпокойства, выгодно отличающаго его отъ нѣсколько самодовольнаго натурализма (не говоря уже о заслугахъ относительно литературной формы, которой, къ сожалѣнію, не всегда соответствовало содержаніе). Вообще, нельзя

заказать путей искусству въ исканіи новыхъ формъ художественнаго творчества, это значило бы для него просто замереть. Сущестующіе же фракціонные отѣнки между разными теченіями въ искусствѣ намъ представляются сильно преувеличенными, причемъ эта рознь подогревается опять-таки атмосферой взаимнаго недовѣрія и подозрительности, которую создаетъ нашъ политическій режимъ, но отъ которой намъ пора уже освобождаться. Рискуя быть парадоксальными, мы должны, такимъ образомъ, сказать, что направленіе нашего журнала въ искусствѣ состоитъ въ отсутствіи направленія въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ — это понимается въ настоящее время. Единственный масштабъ это внутренній критерій художественной правды. Но мы при этомъ, конечно, слишкомъ хорошо понимаемъ, что этотъ критерій гораздо легче выставить, нежели осуществлять.

Въ разрѣзъ съ господствующими въ интеллигентскихъ кругахъ мнѣніями и предрасудками и установившимся подъ влияніемъ ихъ литературными обычаями журналъ нашъ пойдетъ и въ вопросѣ религіозномъ. Мы знаемъ, что огромное большинство такъ называемыхъ интеллигентныхъ людей въ религіи видятъ, какъ выражаются нѣмцы, einen überwundenen Standpunkt, разсуждая по Контю: вначалѣ форма теологическаго мышленія, затѣмъ метафизическаго, а затѣмъ, какъ вѣнецъ всего, научнаго, и считающіе себя увѣчанными этимъ вѣнцомъ самодовольно и свысока смотрятъ на тѣхъ, кого волнуютъ религіозные вопросы. Это снисходительное презрѣніе, однако, вовсе не покупается цѣной сознательнаго продуманнаго и выстраданнаго убѣжденія. Напротивъ, въ дѣйствительности въ наше время мало кто перемучился этими вопросами, мало кто о нихъ серьезно размышлялъ. Религіозныя вѣрованія дѣтства отбрасываются на извѣстномъ году жизни, какъ изношенный сюртукъ, безъ боли и безъ сожалѣнія, безъ тѣхъ терзаній, которыя достаются на долю избранныхъ натуръ. Вспомните чарующія строки, въ которыхъ Герценъ описываетъ переломъ вѣрованій у своей Наташи (а вѣдь, кажется, Герцена нельзя заподозрить въ пристрастіи къ религіознымъ вѣрованіямъ). „Она грустно разставалась съ своимъ иконостасомъ, въ которомъ стояло такъ много завѣтныхъ святынь, облитыхъ слезами печали и радости, она покидала ихъ, не краснѣя, какъ краснѣютъ большія дѣвочки своей вчерашней куклы. Она не отвернулась отъ нихъ, она ихъ уступила съ болью, зная, что она станетъ отъ этого бѣднѣе, беззащитнѣе, что кроткій свѣтъ мерцаю-

щихъ лампадъ зашѣнится сѣрымъ разсвѣтомъ, что она дружится съ сухими равнодушными силами. глухими къ лепету молитвы, глухими къ загробнымъ упованіямъ. Она тихо отняла ихъ отъ груди, какъ умершее дитя, и тихо опустила ихъ въ гробъ, уважая въ нихъ прошлую жизнь, поэзію, давнюю ими, ихъ утѣшенія въ инныя минуты. Она и послѣ не любила холодно касаться до нихъ. такъ какъ мы минуемъ безъ нужды ступать на земляную насыпь могилы". (Былое и Думы).

У многихъ ли, разстававшихся съ своимъ „иконостасомъ“, съ подобной серьезностью и болью произошла тягостная разлука. Наше интеллигентное общество характеризуется не невѣріемъ и вообще не какимъ-либо опредѣленнымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, но повальнымъ почти индифферентизмомъ. Оно имѣетъ религіозные предразсудки, но въ огромномъ большинствѣ лишено религіозныхъ убѣжденій, оно не переросло религію, какъ само о себѣ думаетъ, но просто еще не доросло до религіознаго мышленія, находится въ дѣтскомъ состояніи относительно этихъ вопросовъ. Благодаря слабой сознательности въ этомъ отношеніи нашего общества, религіозные предразсудки въ немъ какъ-то окостенѣли, на страницахъ нашихъ передовыхъ, въ смыслѣ общественныхъ программъ, журналовъ возбужденіе вопросовъ религіознаго мышленія считается просто такъ почти неприличнымъ, и не раздѣляющіе ходячихъ мнѣній и популярнаго невѣрія пользуются репутацией чудаковъ, относительно которыхъ есть подозрѣніе, не страдаютъ ли они психическимъ разстройствомъ, *mania religiosa*.

Такое печальное положеніе вещей болѣе чѣмъ достаточно объясняется тѣми ужасными, позорными и безобразными условіями, въ которыя поставлена у насъ религіозная жизнь. Религія употребляется бюрократіей въ качествѣ подобнаго средства для своего самосохраненія. У насъ у всѣхъ еще не простыло то оскорбленіе лучшихъ чувствъ русскаго общества, которое только недавно сдѣлано въ извѣстномъ официальномъ заявленіи высшихъ сановниковъ церкви, гдѣ по поводу теперешнихъ событій они сумѣли только повторить нелѣпую, даже официально опровергнутую басню объ японскихъ интригахъ. Между официальными представителями религіи и обществомъ создалась китайская стѣна, воздвигнутая религіозной казенщиной и бюрократизмомъ. Обычный способъ дѣйствія, или лучше сказать, бездѣйствія официальныхъ представителей религіи, ихъ официальное.

казенное социальное-политическое credo достаточно объясняет распространённое в нашем обществе мнѣніе, что тотъ, кто не раздѣляетъ общаго религіознаго невѣрія, тѣмъ самымъ присоединяется къ міровоззрѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“ и стѣновится пиндаромъ полицейскаго участка, причёмъ и не подозрѣваютъ, какія безграничныя перспективы общественнаго прогресса въ дѣйствительности открываетъ религія. Свое дѣло для окончательнаго утверждѣнія религіознаго индифферентизма сдѣлала и цензурная кустодія, благодаря которой вопросы вѣры почти изъяты изъ обсужденія. Казенщина жизни привела въ концѣ концовъ и къ казенщинѣ мысли, причёмъ послѣдняя отразила первую въ обратномъ видѣ: съ рельефомъ вмѣсто вогнутостей и наоборотъ. Обычная исторія. Будемъ однако надѣяться, что причины, создающія эту казенщину, какъ общій такъ и церковный бюрократизмъ, не вѣчны, а что вмѣстѣ съ ихъ устраненіемъ создадутся и болѣе благопріятныя условія духовнаго развитія. Тогда вновь сдѣлается вопросомъ многое такое, что сейчасъ считается окончательно порѣшеннымъ.

Съ своей стороны, совершенно не раздѣляя распространённыхъ предразсудковъ нашего общества относительно религіи и относясь съ глубокой скорбью къ повальному его индифферентизму, мы полагаемъ, что религіозное сознаніе есть высшее изъ всего, что есть у человѣка и что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Ростъ личности, ея духовное и историческое развитіе ведетъ къ проясненію этого сознанія путемъ устраненія изъ него разныхъ инородныхъ примѣсей, но никоимъ образомъ не къ уничтоженію религіозныхъ запросовъ. Религіозную казенщину русской жизни мы считаемъ величайшимъ зломъ и историческимъ несчастьемъ, съ которымъ слѣдуетъ бороться, не покладая рукъ. Но и русскому обществу не наплюсъ слѣдуетъ поставить его религіозный индифферентизмъ, плоть отъ плоти и кровь отъ крови церковной казенщины, прямое ея порожденіе. Нерѣдко этотъ индифферентизмъ смѣняется фанатической, хотя также малосознательной враждой противъ религіи вообще. (Впрочемъ, фанатизмъ этотъ чаще направляется не столько противъ самой религіи, сколько противъ официальной лжи и употребленія ея въ цѣляхъ политической и социальной реакціи, въ качествѣ полицейскаго средства). Намъ придется поэтому съ равной энергіей вести борьбу на два фронта, — направо съ казенщиной религіозной жизни, съ церковной полиціей, налѣво — съ казенщиной религіозной мысли, съ отождествле-

ніемъ этой полиціи съ самой сущностью религіи. Мы вѣримъ, что теперешнее состояніе переходяще и отойдетъ въ исторію вмѣстѣ съ создающими и поддерживающими его политическими условіями. Пробужденіе свободной и потому искренней и безкорыстной религіозной мысли въ нашемъ обществѣ есть очередная задача русской культуры, нашей духовной исторіи, и послужить этой задачѣ—въ мѣру цензурныхъ возможностей и собственныхъ силъ—мы считаемъ за величайшую честь и непрѣмѣную обязанность. Рано или поздно, но религіозное возрожденіе въ Россіи должно наступить, за это ручается намъ напряженно ищущая Бога душа нашего народа и весь духовный складъ нашей еще не осознавшей себя вполне интеллигенціи, это говоритъ намъ наша вѣра въ русскій народъ и въ человѣка. Если это религіозное возрожденіе, конкретныхъ формъ и окончательныхъ результатовъ котораго еще мы не можемъ теперь предвидѣть, условно назовемъ русской реформаціей—не въ томъ, слѣдовательно, специфическомъ, узкомъ смыслѣ, какой это слово имѣетъ во всемірной исторіи, но въ болѣе широкомъ и неопредѣленномъ смыслѣ религіознаго ренессанса, то мы можемъ смѣло выставить положеніе, что *„реформа“ рано или поздно приведетъ и къ реформаціи*, ибо между политическимъ и религіознымъ обновленіемъ нашей страны существуетъ тѣсная связь *).

Итакъ, совокупность великихъ задачъ, которыя ставятся теперь историческимъ развитіемъ нашей родины, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: *политическое раскрытiе, экономическое возрожденіе, культурный ренессансъ и религіозная реформація*. Разрѣшеніе этихъ задачъ во всей ихъ совокупности явится истиннымъ духовнымъ воскресеніемъ русскаго народа, послѣ котораго онъ въ состояніи будетъ сказать свое историческое слово, исполнить свою культурную миссію. Воскресеніе это осуществимо только дружнымъ и самоотверженнымъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній, и на долю нашего поколѣнія выпадаетъ начало трудной работы.

Относительно первыхъ двухъ пунктовъ нашей программы согласна

*) Вытечетъ ли изъ этой реформаціи въ широкомъ смыслѣ и церковная реформація въ узкомъ смыслѣ, есть особый вопросъ, близко связанный съ первымъ, но еще не назрѣвшій въ настоящее время къ постановкѣ. При теперешнемъ положеніи печати мы почти лишены возможности обсуждать этотъ вопросъ съ достаточной свободой и полнотой.

въ настоящее время вся честная и мыслящая Россія, безъ различія направленій и партій; объединяются все живыя силы страны, безъ всякаго преувеличенія. Въ пониманіи третьяго пункта—въ особенности что касается философіи—между разными направленіями существуютъ уже разногласія, теперешніе гонители философіи не желаютъ ея успѣховъ, конечно, и въ будущемъ. Наконецъ, по четвертому пункту, повидимому, въ господствующихъ „передовыхъ“ направленіяхъ не существуетъ разногласія однако не въ смыслѣ его признанія, а въ смыслѣ отрицанія. Здѣсь мы остаемся пока одиноки въ русской журналистикѣ. Поэтому волюнѣ присоединяясь къ требованіямъ передовой части русскаго общества въ политикѣ и экономикѣ, мы должны идти своимъ собственнымъ, особымъ путемъ въ вопросахъ духовной культуры и религіозной жизни.

Такъ понимаемъ мы общія историческія задачи нашего времени, и этимъ пониманіемъ будемъ руководиться при веденіи журнала. Однако каждый историческій моментъ имѣетъ свою спеціальную задачу, которая, выдвигаясь впередъ, до извѣстной степени заслоняетъ все остальное. Имѣетъ такую и текущій 1905 годъ. Все вопросы русской жизни въ настоящую минуту связываются въ одинъ, который давно уже сталъ вопросомъ духовной жизни или смерти націи. Вся русская жизнь стянута однимъ роковымъ узломъ, который душитъ ее и парализуетъ все ея отправления. Русская жизнь въ параличѣ, и духовная, и политическая, и экономическая. Для изцѣленія разслабленнаго необходимо такъ или иначе разрубить узелъ, завязанный вѣками, выйти изъ вѣкового тупика, чтобы вольной грудью, впервые, можетъ быть, за все времена своего историческаго существованія вдохнула наша родина. Борьба съ бюрократизмомъ захватила теперь—и не могла не захватить, должна была захватить—все живыя силы націи, безъ различія мнѣній и направленій, сословныхъ и классовыхъ интересовъ. Побѣда надъ нимъ является поистинѣ національной задачей, вопросомъ нравственнаго достоинства, даже самого національнаго существованія. Переживаемый нами моментъ являетъ рѣдкую историческую картину общенациональнаго объединенія, можетъ быть, и кратковременнаго, но въ высшей степени захватывающаго и многозначительнаго. Вся нація охвачена однимъ стремленіемъ, стремленіемъ къ свободѣ. И предъ лицомъ великой національно-освободительной задачи должны протянуть другъ другу руки, хотя

бы на этот моментъ, пока мы не достигнемъ свободы, представители разныхъ мѣнѣй, разныхъ классовъ, разныхъ интересовъ, разныхъ вѣрованій. Это воодушевленіе есть источникъ самаго чистаго и благороднаго патріотизма, питающагося не шовинизмомъ и ненавистью, а возвышающимъ чувствомъ любви къ своему народу, которое поднимаетъ и чувства общенароднаго братства и общечеловѣческой солидарности. Дни наши мучительны и ужасны: кровь и насиліе, война внѣшняя и война внутренняя. Но для всѣхъ ясно, что это послѣднія судороги стараго порядка, что нравственное и историческое содержаніе борьбы уже окончательно исчерпано, и старому порядку не остается никакихъ средствъ самозащиты, кромѣ самоубійственныхъ. Долгиваются послѣднія сцены кровавой трагедіи, исторической борьбы, которая тянулась черезъ весь XIX вѣкъ, и блаженны мы, которымъ суждено видѣть хотя только багровое зарево восходящаго солнца.

Съ разрѣшеніемъ этого основнаго вопроса русской жизни рѣшаются многіе роковыя вопросы, — достигается конецъ и этой губительной войны, конецъ и внутренней войны, безбожной, братоубійственной и преступной, и конецъ духовнаго плѣна, въ которомъ томится русскій умъ и совѣсть. Тогда наступитъ пора свободнаго испытанія истины, неограниченнаго зачумленной атмосферой полицейскаго недоуверія. Такимъ образомъ, всѣ вопросы русской жизни получаютъ сейчасъ одну общую постановку, выражаются на одномъ языкѣ, — политическомъ. Вопросъ о возрожденіи крестьянскаго хозяйства и отечественнаго земледѣлія, думаете, это вопросъ экономическій? Нѣтъ, экономическій онъ гдѣ-нибудь на западѣ, а у насъ онъ пока только политическій и, пока онъ не разрѣшится, какъ вопросъ политическій, онъ не можетъ быть и поставленъ, какъ вопросъ чисто экономическій, такая его постановка будетъ имѣть только теоретическое, а не практическое значеніе. Вопросъ о развитіи и успѣхахъ русской промышленности, столь щедро субсидируемой и усердно поддерживаемой бюрократическимъ механизмомъ, думаете, и это тоже вопросъ экономическій? Но почитайте записку московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ, пользовавшихся особой попечительностью со стороны бюрократическаго строя, и увидите, что и этотъ вопросъ силою вещей превратился въ настоящее время въ вопросъ прежде всего политическій. Рабочій вопросъ, вопросъ о способахъ самопомощи и организациіи рабочаго класса для защиты справедливыхъ его интересовъ, есть также вопросъ всецѣло политическій, нужно

ли это доказывать послѣ зубатовщины и кроваваго аргумента 9 января? Вопросъ о культурномъ возрожденіи, о способахъ борьбы съ невѣжествомъ и одичаніемъ, о распространеніи простой грамотности и образованія не есть ли это также прежде всего политическій вопросъ? Теперь, когда страна фактически остается безъ высшей школы и даже не видится никакого выхода изъ создавшагося положенія внѣ коренныхъ государственныхъ реформъ, надѣемся, стало ясно уже для всѣхъ, что вопросъ о русскомъ просвѣщеніи есть дѣйствительно политическій вопросъ. Наконецъ, вопросъ о религіозномъ сознаніи народа, о возрожденіи утраченнаго интереса къ высшимъ запросамъ духа въ настоящее время оказывается тоже политическимъ вопросомъ, ибо для этого нужна прежде всего свобода совѣсти и свобода слова, чтобы было возможно высказываться съ полной ясностью и откровенностью всѣмъ сторонамъ, чтобы можно было клеймить лицемерныхъ фарисеевъ, поднимающихъ свой лживый и продажный голосъ въ годовну народнаго бѣдствія въ защиту враговъ народа. Нужно освобожденіе церкви отъ государства, раскрѣпощеніе церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духовной жизни народа, ибо она закрѣпощена и порабощена въ наибольшей степени. Рука полицейскаго простерлась не только на тѣло, но и на душу, и нужно бояться не убивающихъ тѣло, но убивающихъ душу.

Такимъ образомъ, повсюду, во всѣхъ сферахъ русской жизни, мы наталкиваемся на одно и то же, и, какъ Катонъ, всѣ свои рѣчи и всѣ свои помыслы мы должны заключать однимъ: *praeterea censeo delendam esse Carthaginem*. Мы должны стать (да въ сущности и стали уже) маниаками политическаго освобожденія. Одну мысль, одну мечту, одну тоску, одну клятву должны мы носить съ собой всегда и всюду, ночью и днемъ, на работѣ и на отдыхѣ. Одно должны мы твердить, кстати и некстати, съ поводомъ и безъ повода, тактично и безтактно, твердить, твердить, — твердить, пока жизнь не уступитъ намъ. *Delenda est Carthago!*

II. По поводу выхода въ свѣтъ шестого тома собранія сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева.

Недавно вышелъ въ свѣтъ шестой томъ сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева. Этимъ томомъ заключается полное собраніе